

IV. РЕЦЕНЗИИ

АНДРЕЙ ПАТКУЛЬ

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ В. Б. МЕЛАСА

«ПЕРЕЖИВАНИЕ И СОБЫТИЕ. ФИЛОСОФСКИЕ ОЧЕРКИ»

СПб.: Издательство ВВМ, 2009. — 237 с. ISBN 978–5–9651–0348–5

В рецензии выделены наиболее важные достижения, изложенные в книге В.Б. Меласа «Переживание и событие. Философские очерки». Рецензент считает, что основным достижением автора книги является введение им в современную феноменологию понятия *интервала сознания*. Более подробно в рецензии анализируется проведенное автором книги различие таких типов интервалов сознания, как *переживание и действие*. Здесь также рассматривается трактовка Меласом соотношения логического и исторического, понятий мира и события. В этой связи некоторые моменты данной концепции рецензент подвергает критике, в частности, критика направлена на способ употребления автором понятия *факта*. В заключение рецензент рекомендует читателям книгу «Переживание и событие» для прочтения.

Ключевые слова: интервал сознания, переживание, действие, проект, дистанция, готовность, соотношение логического и исторического, мир, событие, факт, феноменологическая редукция, редукция естественной установки.

VIATCHESLAV MELAS. LIVING EXPERIENCE AND THE CONCEPT OF EVENT.

Publishers VVM, St. Petersburg, 2009, 237 Pages. ISBN 978–5–9651–0348–5

The basic notions explicated in the book *Living Experience and the Concept of Event* by V. Melas, are emphasized in this review. The reviewer believes that the main achievement of the author is the introduction of the notion of *interval* of consciousness into contemporary phenomenology. The reviewer also provides a profound analysis of distinction between *living experience and action* which are the types of interval in consciousness. Moreover, Melas touches upon relations between *logical and historical*, between *world and event*. Some concepts used by the author, e.g. the notion of *fact*, are criticized by reviewer. As a conclusion, the reviewer advises the reader to read this book.

Key words: Interval of consciousness, living experience, action, project, distance, readiness, relation between logical and historical, world, event, fact, phenomenological reduction, reduction of the natural attitude.

Книга Вячеслава Борисовича Меласа «Переживание и событие» привлекает в первую очередь тем, что в ней излагается оригинальная авторская концепция — случай довольно редкий для отечественной философской литературы последних десятилетий. Разумеется, в «Переживании и событии» обнаруживаются также результаты работы и с уже известными текстами представителей феноменологического направления. Читая книгу, просто невозможно не заметить, какое значительное влияние оказали на становление излагаемой в ней концепции работы А. Шюцера (социальной философии которого посвящен здесь отдельный очерк), в меньшей степени — Гуссерля и Хайдеггера. Однако и в этих случаях речь идет не об историографическом анализе и пересказе, а о разворачивании собственной мысли Вячеслава Борисовича в диалоге, как правило, кстати, полемическом, с выдающимися представителями философии прошлого.

Структурно книга состоит из предисловия, в котором автор делится с читателем некоторыми трогательными деталями собственной биографии, мотивировавшими некогда его обращение к рассматриваемой теме, и *шести* очерков. Очерки эти, если верить аннотации к книге, были написаны с 1993 по 2008 годы и опубликованы в различных периодических или малотиражных изданиях. Порядок очерков в книге следующий: 1) «Переживание и действие»;

© Андрей Паткуль, 2014

2) «Социальная философия Альфреда Шюца»; 3) «Признанность и логос»; 4) «Готовность и предварительное переживание»; 5) «Созерцание и дистанция»; 6) «Переживание и событие». Книга также снабжена списком библиографических источников на русском и английском языках и указателем имен.

Анализировать каждый из перечисленных очерков здесь вряд ли уместно — для читателя продуктивнее было бы познакомиться с ними непосредственно. В рецензии же, пожалуй, лучше будет лишь указать на те ключевые моменты концепции В. Б. Меласа, которые смогли бы послужить ориентиром при знакомстве с книгой.

Итак, главным, на мой взгляд, достижением Вячеслава Борисовича является фиксация и предварительное раскрытие феномена *интервала сознания*. Данное понятие вводится им уже в первом очерке. Прежде всего, интервал сознания характеризуется в книге в качестве «... целостного фрагмента жизни сознания, ограниченного временными рамками и обладающего некоторым единством...».¹ Очевидно, данная характеристика остается всецело формальной, схватывая только такие не самые содержательные черты интервала сознания, как целостность, ограниченность и (не вполне еще ясное в своей характерности) единство. Понятно только, что интервал сознания оказывается в рамках излагаемой концепции, если угодно, единицей сознания, точнее, единицей его жизни. Эти единицы или, если угодно, так сказать, суть ограниченные и завершенные, континуальные в себе самих, но при этом не замкнутые (!) абсолютно, *монады* самого сознания, недоступные для непосредственного осознания. Интервалы сознания — это способы пребывания сознания в некотором состоянии, которые не могут стать осознанными сознанием без ущерба для его пребывания в этом состоянии. «Для самого сознания, интервал, в котором оно находится, как целое дан лишь в воспоминании», — так конкретизируется это отношение между интервалом сознания и его осознанием в «Переживании и событии».² Причем он «вспоминается не как прошедший, но как сейчас и здесь происходящий».³ Похожее определение можно найти в пятом очерке книги: «Интервал сознания — это такой фрагмент сознательной жизни, который вспоминается как некоторое целое».⁴ «Именно вспоминаемость есть основная характеристика интервала сознания...»,⁵ — подчеркивает Вячеслав Борисович. Более того, воспоминание — это и есть *способ бытия* интервала сознания: «Собственно говоря, интервал и существует только как воспоминание».⁶

Недостаточность данного понятию интервала сознания определения понимает и сам автор книги. Для того чтобы наделить предварительное определение содержанием, В. Б. Мелас — и вполне в феноменологическом духе — обращается к описанию определенных примеров интервалов сознания, в частности, к описанию феномена сна. Полученные на этом примере сущностные характеристики экстраполируются им в дальнейшем на феномен интервала сознания как таковой. К ним Вячеслав Борисович относит: 1) пассивно-спонтанный характер; 2) принципиальную завершенность; 3) единство и 4) напряжение. Надо, правда, особо отметить, что высказанный В. Б. Меласом при анализе пассивно-спонтанного характера сна тезис о том, что имеет место «сопоставимость интервала сознания не только с целым нашей жизни, но и с мыслимой временной беспределностью мира»,⁷ требует особого прояснения. Тезис этот высказывается на фоне сопоставления понятия интервала сознания с математическим определением *интервала* как части оси с выброшенными концами (собственно, и послу-

¹ Мелас, В. Б. (2009). Переживание и событие. *Философские очерки*. С. 14. СПб.: ВВМ.

² Мелас, В. Б. (2009). Переживание и событие. *Философские очерки*. С. 16. СПб.: ВВМ.

³ Мелас, В. Б. (2009). Переживание и событие. *Философские очерки*. С. 183. СПб.: ВВМ.

⁴ Мелас, В. Б. (2009). Переживание и событие. *Философские очерки*. С. 176. СПб.: ВВМ.

⁵ Мелас, В. Б. (2009). Переживание и событие. *Философские очерки*. С. 116. СПб.: ВВМ.

⁶ Мелас, В. Б. (2009). Переживание и событие. *Философские очерки*. С. 184. СПб.: ВВМ.

⁷ Мелас, В. Б. (2009). Переживание и событие. *Философские очерки*. С. 18. СПб.: ВВМ.

жившим прообразом для понятия *интервал сознания*), позволяющего такой интервал «легко привести во взаимно-однозначное соответствие со всей временной осью».⁸ С этим, насколько я понимаю, и связана ограниченность, но не замкнутость интервала сознания — его крайние пределы «выброшены». Однако остается вопрос, действительно ли математическая модель, предназначенная для описания множества вещественных чисел, может адекватно применяться для описания сознания, даже если оно и *заранее* понято, исходя из концепта интервала. Не создадут ли помеху такому применению неучтенные при этом *сущностные* характеристики сознания, которые невозможно обнаружить в вещественных числах? Если все же не создадут, и сознание, равно как и мир, позволит аналогизировать и схематизировать себя до числовой оси и промежутков на ней, то все еще останется не вполне ясным сам смысл «сопоставимости» интервала сознания с «мыслимой временной беспредельностью мира». О чем тут, собственно, идет речь — о том ли, что каждый временной «момент» интервала сознания (а является ли момент онтологической единицей его вообще?) может быть поставлен во взаимно-однозначное соответствие с моментом «временной беспредельности мира», или что в такое соответствие может быть поставлен сам интервал сознания как «момент» этой беспредельности, или же о том, что интервал сознания как таковой вообще может быть понят только на «фоне» этой «временной беспредельности»? Это сравнение, как мне кажется, требует более подробной экспликации.

Так или иначе, выявив указанные характеристики интервала сознания, В. Б. Мелас проводит ключевое для всей его концепции различие двух основных видов интервалов сознания: *переживания и действия*. Переживание — а к этому термину автор обращается едва ли не в каждом очерке (о важности данного понятия говорит уже само заглавие книги) — это не что иное, как *интервал сознания, заключающий в себе дистанцию*. (В шестом очерке В. Б. Мелас говорит даже о *трансцендентной дистанции*, но видит в ней уже «априорное условие данности интервала».)⁹ В общем виде дистанция описывается как «расстояние, а точнее некоторая мера расстояния, придающая ему определенное качество».¹⁰ В случае же сознания наличие дистанции в переживании «делает невозможным непосредственное восприятие».¹¹ Более конкретное определение переживания можно найти в шестом очерке: «Под переживанием в настоящей работе я буду понимать именно спонтанное представление предстоящего или состоявшегося испытания как некоторого целого, но развертываемое как актуальное происшествие».¹² Излюбленный автором книги, кочующий из очерка в очерк пример переживания — переживание студентом провала на *предстоящем* экзамене — может его проиллюстрировать. Если спросить этого студента, о чем он сейчас думает, он скажет, что боится провала на предстоящем экзамене, но в тот момент, когда он дает такой ответ, он уже не испытывает и не может испытывать страха провала — он отвечает на вопрос. Хотя, отвечая на него, он соотносится с уже ушедшим в прошлое переживанием страха будущего провала так, как *если бы* он испытывал его в настоящем.

Любопытной также является и попытка истолковать *аполлоновское и дионисийское начала* у Ницше именно как два типа переживания,¹³ — действительно, эти начала во многом удовлетворяют формальному определению понятия интервала сознания вообще. (Хотя с переживанием, как мне кажется, дело обстоит сложнее, т. к. не всегда в этих началах можно указать на наличие дистанции.) Не очень изящно, правда, выглядит попытка автора «Переживания

⁸ Мелас, В. Б. (2009). Переживание и событие. *Философские очерки*. С. 18. СПб.: ВВМ.

⁹ Мелас, В. Б. (2009). Переживание и событие. *Философские очерки*. С. 194. СПб.: ВВМ.

¹⁰ Мелас, В. Б. (2009). Переживание и событие. *Философские очерки*. С. 36. СПб.: ВВМ.

¹¹ Мелас, В. Б. (2009). Переживание и событие. *Философские очерки*. С. 36. СПб.: ВВМ.

¹² Мелас, В. Б. (2009). Переживание и событие. *Философские очерки*. С. 202. СПб.: ВВМ.

¹³ См.: Мелас, В. Б. (2009). Переживание и событие. *Философские очерки*. С. 56. СПб.: ВВМ.

и события» дополнить различие аполлонического и дионисийского начал, которое и у Ницше-то больше похоже на результат творческой экзальтации, чем операции интеллекта, *реалистическим стилем переживания*,¹⁴ считанным в опыте восприятия реалистического искусства.

Действие же, в свою очередь, В. Б. Мелас определяет следующим образом: «Интервал сознания, опосредованный проектом, мы будем называть действием».¹⁵ В случае действия, в отличие от переживания, «нет дистанции между воображением и выполнением», но «вместе с тем, содержание сознания не сливается с предпринимаемыми усилиями, с наблюдаемыми извне движениями».¹⁶ Проект же, по Меласу, — это «...определение класса ситуаций, достижение одной из которых свидетельствовало бы об успешном завершении действия».¹⁷ Пример, иллюстрирующий действие в данном смысле, — это бег легкоатлета на дистанции. У бегуна есть цель или проект: «Он чувствует боль, усталость и вместе с тем необходимость бежать до конца и желание победить».¹⁸ В отличие от переживания, действие всегда *агонально*.

В дальнейшем в первом очерке автор книги описывает различные конститутивные моменты переживания и действия: ограниченность и готовность, предпосылочность и тему, типизацию, конкретизацию, гиперболизацию, идеализацию и мн. др. Воспроизвести эти дескрипции здесь даже в самом общем виде нет никакой возможности. Правда, хотелось бы указать на очень любопытную полемику В. Б. Меласа с основателем современной феноменологии по одному методологическому вопросу, а именно вопросу о редукции, развиваемую на фоне анализа и дескрипции конститутивных моментов переживания и действия. Вячеслав Борисович пишет: «...феноменологическая редукция есть не только особый философский метод, но и процедура внутренне присущая любому философствующему сознанию, однако, в отличие от специфически феноменологического философствования, эксплицитно не обязательно практикуемая».¹⁹ Еще более остро данная полемика развертывается в третьем очерке, где, в частности, даже говорится: «В теоретическом припоминании интервалов сознания мы обнаруживаем, что это (до-философское) сознание уже осуществило некоторую редукцию».²⁰ Т. е. редуктивный характер приписывается уже сознанию как таковому, сознанию не только на философском, но и до-философском уровне. И если интуитивно эти пассажи отчасти могут быть понятны и даже могут вызывать к себе известное сочувствие, то концептуально они все же нуждаются в прояснении и обосновании, поскольку «эксплицитно не практикуемая» редукция выглядит в этой перспективе противосмысленно. Возможно, здесь нужно искать какую-то другую формулировку для этой же самой интуиции.

В любом случае, я считаю, что, введя термин *интервал сознания*, В. Б. Мелас внес оригинальный вклад в дело феноменологического раскрытия сущности сознания. Очень хочется надеяться, что вклад этот не останется незамеченным феноменологическим сообществом — по крайней мере отечественным, и *понятие интервала сознания станет в дальнейшем предметом обсуждения, экспликации и конструктивной критики*. Я не сомневаюсь в том, что у него есть серьезный эвристический потенциал. В частности (хотя, возможно, тут я и ошибаюсь) развитие темы интервальности сознания могло бы быть одним из путей конкретизации традиционной для феноменологии темы интенциональности сознания. По крайней мере мне дело видится таким именно образом.

¹⁴ См.: Мелас, В. Б. (2009). Переживание и событие. *Философские очерки*. С. 57. СПб.: ВВМ.

¹⁵ Мелас, В. Б. (2009). Переживание и событие. *Философские очерки*. С. 25. СПб.: ВВМ.

¹⁶ Мелас, В. Б. (2009). Переживание и событие. *Философские очерки*. С. 25. СПб.: ВВМ.

¹⁷ Мелас, В. Б. (2009). Переживание и событие. *Философские очерки*. С. 40. СПб.: ВВМ.

¹⁸ Мелас, В. Б. (2009). Переживание и событие. *Философские очерки*. С. 24. СПб.: ВВМ.

¹⁹ Мелас, В. Б. (2009). Переживание и событие. *Философские очерки*. С. 28. СПб.: ВВМ.

²⁰ Мелас, В. Б. (2009). Переживание и событие. *Философские очерки*. С. 130. СПб.: ВВМ.

Более того, смею предположить, что, будучи последовательно эксплицированным, понятие интервала сознания могло бы выступить теоретической базой особой установки в феноменологии, которую в рабочем порядке можно было назвать *дискретной феноменологией* или феноменологией дискретных состояний (интервалов) сознания. Конечно же, выглядит это, как проект, — но так это или нет, может решить только дальнейшее течение интеллектуальной жизни. *Op verra*. Впрочем, уже сейчас, приглядевшись, можно обнаружить, что ориентация феноменологического описания на интервалы сознания находится едва ли не в мейнстриме современной философской мысли, и не только феноменологической. Другое дело, что заход, предложенный в «Переживании и событии», выделяется на фоне прочих такого рода опытов своей уникальностью — поскольку различие, разрыв мыслятся здесь именно как интервал. Правда, в связи с такой акцентуацией философских исследований возникает вопрос, который можно было бы и следовало бы адресовать не только В. Б. Меласу, но и другим сторонникам описания сознания через различие. А именно, вопрос этот мог бы иметь следующий вид: «Как, исходя из ориентации на прерывность интервала или различие в сознании, можно понять континуальность и тождественность самого сознания?». Такой же вопрос касается и континуальности самого интервала или различенного в различии. Поставим вопрос и так: «Может ли сознание как таковое быть понято как свой собственный интервал?» Автор «Переживания и события» неоднократно в своей работе подходит к этой проблеме, но, как мне кажется, удовлетворительного ее раскрытия и обоснования ее решения так и не дает. Недостаточно отчетливо, например, здесь очерчивается проблема соотношения имеющего интервальный характер сознания и его возможного субъекта как «собственника» этих интервалов, хотя В. Б. Мелас и ведет речь о таком свойстве переживания, как *эгоцентричность*.²¹ Не из этой ли непроясненности при интервальном понимании сознания проистекают такие его эффектные, но концептуально небезупречные дефиниции, как следующие: «...сознание — это все то, что я вижу, слышу, чувствую, вспоминаю, о чем думаю, что знаю и во что верю»²² или «сознание — это то, что можно вспомнить».²³

Далее, опираясь на введенные им понятие интервала сознания и различие переживания и действия, Вячеслав Борисович рассматривает несколько интересных и актуальных для современной феноменологической философии тем. Здесь удастся затронуть только некоторые из них. Кроме тех тем, о которых речь пойдет ниже, хотелось бы обратить внимание читателя и на данный В. Б. Меласом феноменологический анализ таких понятий, как *готовность, предварительное переживание, эстетическое переживание*. Особое — в том числе в контексте критики приоритета живого созерцания у Гуссерля — значение имеет предложенная Вячеславом Борисовичем феноменологическая концепция *созерцания* (см. Очерк 5). Нужно также еще заметить, что на протяжении всей книги читатель сможет найти очень симпатичные образцы истинно феноменологической работы, проделанный В. Б. Меласом с художественными текстами. Обращение к ним носит, как правило, иллюстративный характер, а потому остается неизбежно фрагментарным. Думается, что феноменологический разбор некоторых избранных автором книги художественных текстов — а В. Б. Мелас обращается к таким авторам, как Пруст, Блок, Ахматова, Мандельштам, Кушнер — мог бы быть представлен в отдельных очерках или эссе.

Теперь перейдем к темам, о которых здесь все же необходимо сказать подробнее.

Во-первых, чрезвычайно интересным представляется обращение автора «Переживания и события» к проблеме соотношения логической идеальности и исторического традирования знания. Эта тема рассматривается в третьем очерке книги и, к моему глубочайшему сожалению,

²¹ См.: Мелас, В. Б. (2009). Переживание и событие. *Философские очерки*. С. 121 сл. СПб.: ВВМ.

²² В связи с этим определением сознания Вячеслав Борисович предлагает любопытную формулу структуры такового: «я — вижу — все» (С. 149).

²³ Мелас, В. Б. (2009). Переживание и событие. *Философские очерки*. С. 184. СПб.: ВВМ.

нию, только в самом первом приближении. Хотя, на мой взгляд, указанная проблема является центральной *метафизической* проблемой всей современной философии. Ход рассуждения при этом опирается на критический анализ понятия логического у Гуссерля.²⁴ Здесь автор книги подвергает сомнению две главных предпосылки этого философа: во-первых, принятие «готового, уже интерпретированного мира с намерением оправдать <...> или отвергнуть эти интерпретации» (там же), а во-вторых, подпадение этого мира бесконечным операциям редукции. В отношении же понятия *логического* у основателя современной феноменологии это приводит к тому, что оно начинает мыслиться как результат открытия, традируемого далее в истории. Традирование, впрочем, может идти двумя путями: как пассивное следование открытому или как активное сопереживание самому открытию и его началам. Как считает Гуссерль, традирование складывается именно на первом пути через *признание* истинности открытого и его дальнейшую передачу в истории. Однако, по мнению В. Б. Меласа, «...Гуссерль не анализирует далее это понятие».²⁵ Открытие же — это, с точки зрения Вячеслава Борисовича, *действие*, хотя первоначально оно могло быть и только переживанием. Через активное сопереживание первичному открытию идеальных предметностей идеальные предметности в действии *признания* их таковыми обретают свой предметный статус. Получается, что «...логическое неустранимым образом базируется на признанности».²⁶ «Таким образом, признанное есть нечто большее, чем указанная Гуссерлем пассивно воспринятая, пусть и проясненная совокупность суждений».²⁷ Напротив, «...признанность подразумевает ответственное соучастие».²⁸ В. Б. Мелас полагает даже, что «через признание <...> суждение становится частью логического как сферы бытия традируемых идеальных предметностей».²⁹ Понятие же признанности он определяет так: «Признанность — это возобновляемый выбор, возникший в ходе некоторого переживания, которое, благодаря сделанному выбору, стало событием».³⁰ «Признанность — это переживание, ставшее событием».³¹ Может показаться, что предлагаемое здесь решение проблемы ставит все с головы на ноги, редуцируя логику, которая, казалось бы, призвана описывать в себе сущую идеальную *предметность* как независимую от какой бы то ни было, пусть и чисто эпистемологической, коммуникации сферу, к эффекту признания как коммуникативного акта. Но, на мой взгляд, решение (точнее, намек на это решение) проблемы в «Переживании и событии» несколько тоньше, хотя все же и с эмфазисом на признании как коммуникативном акте. В чем-то, как мне кажется, намечаемый В. Б. Меласом ход (очевидно, непреднамеренно с его стороны) близок хайдеггеровской концепции традиции в истории философии как *возобновления* (Wiederholung) чужих возможностей мысли как своих собственных. Недаром речь у Вячеслава Борисовича идет в этом контексте именно о «*возобновляемом* выборе». В любом случае, автор книги на основе собственной концепции дает удивительное определение логики: «Логика есть способ путешествия по признанному миру, а если говорить точнее, она есть действие на почве этого мира».³²

Во-вторых, сюда можно отнести феноменологически крайне важную тему *мира*, лишь привходящим образом затронутую в тексте «Переживания и события», которую вместе с тем с помощью понятий интервала сознания и переживания (последнего — именно в смысле В. Б. Меласа) можно было бы увидеть в новом и во многом непривычном свете. Осуществляя свое размежевание с Гуссерлем, Вячеслав Борисович приходит к мысли, что мир не должен

²⁴ Мелас, В. Б. (2009). Переживание и событие. *Философские очерки*. С. 129 сл. СПб.: ВВМ.

²⁵ Мелас, В. Б. (2009). Переживание и событие. *Философские очерки*. С. 136. СПб.: ВВМ.

²⁶ Мелас, В. Б. (2009). Переживание и событие. *Философские очерки*. С. 136. СПб.: ВВМ.

²⁷ Мелас, В. Б. (2009). Переживание и событие. *Философские очерки*. С. 137. СПб.: ВВМ.

²⁸ Мелас, В. Б. (2009). Переживание и событие. *Философские очерки*. С. 137. СПб.: ВВМ.

²⁹ Мелас, В. Б. (2009). Переживание и событие. *Философские очерки*. С. 137. СПб.: ВВМ.

³⁰ Мелас, В. Б. (2009). Переживание и событие. *Философские очерки*. С. 140. СПб.: ВВМ.

³¹ Мелас, В. Б. (2009). Переживание и событие. *Философские очерки*. С. 141. СПб.: ВВМ.

³² Мелас, В. Б. (2009). Переживание и событие. *Философские очерки*. С. 138. СПб.: ВВМ.

приниматься заранее как данный, пусть и рассматриваемый не в своем действительном бытии, а лишь в качестве феномена сознания, для того чтобы эту данность «оправдать или отвергнуть». Напротив, *сам мир*, поскольку он составляет феномен в строгом феноменологическом смысле, *есть* не что иное, как *интервал сознания*. «Мир как феномен развертывается именно в виде интервала сознания»,³³ — сказано в работе. Трактовка мира на основе понятия интервала сознания позволила бы избавиться от скрытого догматизма, который все еще присутствует у Гуссерля, даже вопреки всем проводимым им редукциям. Мир как данный есть мир данного в интервале сознания; и в качестве такового он «непосредственно устанавливается как микрокосм».³⁴ Правда, как и в случае с проблемой сознания как такового, возникает вопрос о возможности мыслить мир через интервальность: «Можно ли, по аналогии с тем, что у Гуссерля мир мыслился как горизонт всех горизонтов, в случае анализируемой концепции понять мир как интервал всех интервалов сознания?». Если нет, то какой способ данности может быть присущ миру как интервалу? Что, собственно, в таком случае сообщает миру его единство? Мне кажется, это очень трудные и провокативные вопросы в отношении изложения В. Б. Меласа — неслучайно он в своей книге несколько раз обращается к концепции *множественности*, скажем так, смысловых миров, в частности, на примере концепции У. Джеймса. Но философский вопрос состоит как раз в том, что именно объединяет эти миры — притом что переход из одного в другой может быть описан как *шок* — в качестве именно миров, задавая тем самым их, пусть только проблематическое и регулятивное, единство. Иными словами, это вопрос о том, что конституирует мир как мир, о *мирности мира*. На 152 странице книги дано выделенное курсивом определение понятия мира; не знаю, правда, способно ли оно дать ответ (или даже приблизить к нему) на поставленные вопросы: «Мир есть инвариант доступных мне преобразований того, что поначалу просто “сознается” хотя бы в качестве чего-то неизвестного».

Наконец, *в-третьих*, одним из наиболее интересных периодов книги «Переживание и событие» является излагаемый в шестом очерке феноменологический анализ понятия *события* (о значимости этого термина для концепции в целом также свидетельствует присутствие его в заглавии всей книги). Действительно, понятие события является ключевым для современной метафизики, и попытка осмыслить его через концепты интервала сознания и переживания должна быть признана новаторской и продуктивной.

Формальное определение события у В. Б. Меласа таково: «...то, что переживается в переживании, есть событие».³⁵ Перефразируя Гегеля, он также утверждает: «...событие переживается, а переживание событийно...».³⁶ На языке феноменологии же это означает, что «...событие есть интенциональный предмет переживания».³⁷ Не расходится ли, правда, последняя формулировка с тем, что само переживание было объявлено событийным, т.е. как событие мыслился и сам акт переживания, а не только его интенциональный предмет?

Для того чтобы добиться большей определенности, Вячеслав Борисович сопоставляет понятие события с понятием *факта*. В своей характеристике факта он почему-то соотносит таковой с возможностью быть описанным с помощью некоторого предложения: «Вообще говоря, под фактом мы понимаем некоторое положение дел, описываемое некоторым предложением или совокупностью предложений»³⁸. Историко-философский фон такого определения факта прозрачен, однако он не должен вводить в заблуждение своей прозрачностью относительно самой сути дела. Ведь аналитически ниоткуда не следует, что факт — это то, что может

³³ Мелас, В. Б. (2009). Переживание и событие. *Философские очерки*. С. 130. СПб.: ВВМ.

³⁴ Мелас, В. Б. (2009). Переживание и событие. *Философские очерки*. С. 130. СПб.: ВВМ.

³⁵ Мелас, В. Б. (2009). Переживание и событие. *Философские очерки*. С. 207. СПб.: ВВМ.

³⁶ Мелас, В. Б. (2009). Переживание и событие. *Философские очерки*. С. 207. СПб.: ВВМ..

³⁷ Мелас, В. Б. (2009). Переживание и событие. *Философские очерки*. С. 208. СПб.: ВВМ.

³⁸ Мелас, В. Б. (2009). Переживание и событие. *Философские очерки*. С. 208. СПб.: ВВМ.

быть описано предложениями, в самом понятии факта ничего такого не заключено. И *tertium non datur* можно описать с помощью предложения, но вряд ли у кого-то повернется язык назвать этот принцип фактом. Напротив того, ни этимологически предполагаемая в факте «следанность», ни, что важнее, *контингентность* в смысле допущения возможности бытия противоположным и невозможности действительного бытия противоположным, традиционно приписываемая фактичности, в данном определении явно не учитываются. Вероятно, все эти черты фактичности имплицитно подразумевались в словосочетании «положения дел», но читателю сразу заметить это будет не просто. Тем более, что потом автор книги оговаривается: в рассмотрение он берет только «обобщенные факты». ³⁹ Мы, впрочем, не будем сейчас судить о логической состоятельности понятия «обобщенного факта».

Правда, для хода размышлений В. Б. Меласа эти тонкости не имеют особого значения, поскольку то, как именно он ввел понятие факта, все же позволяет ему провести довольно тонкую дистинкцию между понятиями факта и события — такую дистинкцию, которая позволяет в определенной перспективе увидеть факт как событие. А именно, согласно В. Б. Меласу, событие — это факт, рассмотренный в более широком контексте. ⁴⁰ При этом «факт есть положение дел, которое можно рассматривать изолированно от всего остального». ⁴¹ Так, смертельное ранение А. С. Пушкина на дуэли Дантесом само по себе — это факт, но то же самое ранение в его связи с тем, что оно повлекло за собой в истории русской литературы, — это событие. Вписанность события в контекст, в конечном счете — в контекст универсальный, позволило бы характеризовать его как *факт, который вносит более или менее сильное возмущение в мир*. В. Б. Мелас пишет: «Событие происходит в мире и изменяет в той или иной степени этот мир (например, жизненный мир)». ⁴² Сравнивая факт и событие, он продолжает: «Факт — это нечто неизменное и твердо установленное. Событие же скорее похоже не на что-то прочное как камень, а на живое существо». ⁴³ Такая трактовка подводит автора «Переживания и события» к намеченной буквально в нескольких предложениях, но удивительной по своему замыслу трактовке исторического прошлого. Эта трактовка противоположна традиционному пониманию исторического как фактически состоявшегося и неизменного в своей фактической прошедшести, схваченной в формуле *ewig still steht die Vergangenheit*. Вячеслав Борисович же, напротив, считает, что «интерпретация события постоянно меняется в свете последующих событий. Не только будущее, но и прошлое непредсказуемо». ⁴⁴ Интерес, особенно в контексте возможной философии истории, представляет и следующее наблюдение над событием: «Событие, хотя и приписано к некоторому моменту времени, выходит за рамки этого момента и именно этот выход делает событие событием, а не просто фактом. Более того, само время измеряется нами по отношению к событиям». ⁴⁵ Проблематика события связана также отчасти и с феноменологической проблемой мира, — говоря о мире в концепции В. Б. Меласа, об этом пришлось на время умолчать, чтобы не давать раньше времени объяснение читателю относительно понятия события. Мир мыслится здесь как *арена событий*: «...мир — это исключительно арена событий». ⁴⁶ Событие же — это изменение в мире, которое не может быть не связано со всеми другими изменениями (= событиями) в нем: «...изменение в мире есть всегда событие в нем». ⁴⁷ Соответственно, *мирность мира* определяется следующим образом: «Мирный

³⁹ Мелас, В. Б. (2009). Переживание и событие. *Философские очерки*. С. 211. СПб.: ВВМ.

⁴⁰ См.: Мелас, В. Б. (2009). Переживание и событие. *Философские очерки*. С. 209. СПб.: ВВМ.

⁴¹ Мелас, В. Б. (2009). Переживание и событие. *Философские очерки*. С. 215. СПб.: ВВМ.

⁴² Мелас, В. Б. (2009). Переживание и событие. *Философские очерки*. С. 217. СПб.: ВВМ.

⁴³ Мелас, В. Б. (2009). Переживание и событие. *Философские очерки*. С. 217. СПб.: ВВМ.

⁴⁴ Мелас, В. Б. (2009). Переживание и событие. *Философские очерки*. С. 217. СПб.: ВВМ.

⁴⁵ Мелас, В. Б. (2009). Переживание и событие. *Философские очерки*. С. 217–218. СПб.: ВВМ.

⁴⁶ Мелас, В. Б. (2009). Переживание и событие. *Философские очерки*. С. 225. СПб.: ВВМ.

⁴⁷ Мелас, В. Б. (2009). Переживание и событие. *Философские очерки*. С. 225. СПб.: ВВМ.

характер мира есть такая взаимная согласованность элементов и частей, когда изменение одного из них многообразно отзывается на остальные».⁴⁸

Интересной является также проводимая Вячеславом Борисовичем на фоне различия понятий факта и события критика абсолютизации науки и ее результатов, ориентированных именно на фактическую, а не событийную сторону дела. Он пишет: «Сколько бы (с количественно-практической точки зрения) эффективными не были результаты физики (и других наук), они ни в коей мере не являются истиной в последней инстанции, так как обусловлены не полностью проясненной процедурой научного вывода».⁴⁹ За этим выводом скрывается не всегда явная процедура идеализации, позволяющая абстрагировать факт от события как подлинного онтологического элемента мира. Поэтому, по мнению автора книги, к научной картине мира «мы и должны относиться как к произвольной абстракции, которая в некоторых отношениях оказывается полезной».⁵⁰

Завершая обзор книги В. Б. Меласа «Переживание и событие. Философские очерки», хочется еще раз высказать пожелание, чтобы *работа эта не прошла незамеченной в русскоязычном феноменологическом сообществе*. В ней вниманию читателя, действительно, предлагаются результаты самостоятельно проделанной, *подлинно феноменологической работы*. Дальнейшее обсуждение и критика ее могли бы дать импульс как для корректировки и развития концепции самого В. Б. Меласа, так и для формирования продолжающих ее или оппонировующих ей концепций других исследователей. Кроме того, в историографическом плане опубликованные в ней очерки, создававшиеся на протяжении пятнадцати лет, могут дать многое и для нашего представления о становлении школы феноменологической мысли в Ленинграде — Санкт-Петербурге. Конечно же, работа Вячеслава Борисовича не свободна от недостатков, в том числе композиционных и стилистических. При чтении книги часто сбивают с толку и утомляют многочисленные повторы формулировок и, особенно, иллюстрирующих примеров. Ясно, что наличие их в книге обусловлено ее составленностью из очерков, написанных в разное время и опубликованных в разных изданиях. Но в разных изданиях такие повторения вполне допустимы. Они едва ли будут вообще замечены читателем. Когда же очерки собираются уже под одной обложкой, все повторения необходимо либо отслеживать и редактировать, либо удалять. В особенности это касается едва ли не буквального совпадения целых периодов текста: в качестве примера здесь можно указать на изложение В. Б. Меласом позиции А. Шюца в первом и во втором очерках или постоянно воспроизводимую в книге реконструкцию Х.-Г. Гадамером истории понятия переживания. Очень хочется надеяться, что при переизданиях эти недостатки будут устранены, равно как и более серьезно будет проведена корректорская работа над текстом (стоит уведомить читателя, что в данном отзыве все цитаты из рецензируемой книги приведены в том виде, в каком они присутствуют в самой книге). Возможно, Вячеславу Борисовичу стоило бы задуматься над трансформацией сборника философских очерков в цельную монографию, *посвященную проблеме интервала сознания*, в которой более последовательно (и, стало быть, композиционно более ясно) и более подробно будут обоснованы и изложены те концептуальные линии, которые здесь были только намечены.

Впрочем, все указанные недостатки, являющиеся, по сути, несущественными, не смогут лишить уважаемого читателя того интеллектуального удовольствия, которое он может получить при знакомстве с книгой «Переживание и событие». Книгу эту мне еще раз хотелось бы порекомендовать ему для прочтения.

⁴⁸ Мелас, В. Б. (2009). Переживание и событие. *Философские очерки*. С. 225. СПб.: ВВМ.

⁴⁹ Мелас, В. Б. (2009). Переживание и событие. *Философские очерки*. С. 214. СПб.: ВВМ.

⁵⁰ Мелас, В. Б. (2009). Переживание и событие. *Философские очерки*. С. 214. СПб.: ВВМ.